

ГРАНИЦЫ ВООБРАЖЕНИЯ: КАК МЕНЯЮТСЯ ФИЛОСОФСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЧЕЛОВЕКЕ И ПРИ ЧЕМ ТУТ ПРОГРАММИСТЫ?

С.С. МЕРЗЛЯКОВ

¹ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова», Ленинские горы, 1, стр. 46, Москва, Россия, 119234

Аннотация. Любой дискурс предполагает ограничения, которые накладываются на объект действия этого дискурса. Это касается и классического дискурса о человеке. Те ограничения, которые накладывались на возможности человека могут быть следствием использования специфических дискурсивных практик субъектами с определенным способом работы с информацией. Возможно, ответы на сугубо философские вопросы могут быть решены субъектами с другими способами обработки информации.

Ключевые слова: сознание, воображение, антропология, философия науки, дискурс, бесконечность.

THE LIMITS OF IMAGINATION: HOW ARE PHILOSOPHICAL IDEAS ABOUT A PERSON CHANGING AND WHAT DO PROGRAMMERS HAVE TO DO WITH IT?

S. S. MERZLYAKOV

Lomonosov Moscow state University, Leninskie Gory 1, p. 46, Moscow, Russia, 119234

Abstract. Any discourse assumes restrictions that are imposed on the object of action of this discourse. This also applies to classical discourse about man. The limitations that have been imposed on human capabilities may be the result of the use of specific discursive practices by subjects with a particular way of working with information. Perhaps the answers to purely philosophical questions can be solved by subjects with other ways of processing information.

Keywords: consciousness, imagination, anthropology, philosophy of science, discourse, infinity.

Попытка представить бесконечность. Взрослея, ребенок демонстрирует поисковое поведение, которое выражается не только в работе с внешним миром, но и в работе с внутренними объектами, т. е. с субъективными переживаниями. Результаты такой работы с внутренними объектами могут быть полезны с точки зрения исследования антропологических феноменов и быть отправной точкой для исследования сугубо философских проблем. Приведем пример такой работы ребенка с внутренними объектами.

Перед ребенком настойчиво встает вопрос о границах бесконечной Вселенной. Это стандартный детский вопрос, который заключается в невозможности представить бесконечность: ребенок не имел в опыте ничего бесконечного, поэтому у него возникают затруднения с представлением бесконечного объекта. Разумеется, непротиворечиво решить этот вопрос крайне проблематично, поэтому большинство детей находят хотя бы какой-

нибудь сколь-либо удовлетворяющий их ответ. Например, некоторые дети представляют, будто Вселенная имеет фрактальную структуру: электрон вращается вокруг ядра атома, Луна вращается вокруг Земли, Земля вращается вокруг Солнца, Солнце вокруг центра галактики и т. д. Таким образом если и не решается вопрос о границах Вселенной, то решается вопрос о структуре мира, а сам вопрос о границах отодвигается на задний план, и это один из вариантов удовлетворительного решения задачи, которая была поставлена перед ребенком.

Однако в некоторых случаях подобное решение не удовлетворяет субъекта, и поиск решения продолжается. Отсутствие решения вызывает стойкое и продолжительное негативное состояние, что является причиной продолжения интенсивных поисков решения – ребенка не удовлетворяют те объяснения, которые он обнаруживает, потому что он отдает себе отчет в их несостоятельности. Выходом из ситуации продолжительного негативного

состояния стало невозможное – ребенок представил себе бесконечность. Он «увидел» бесконечность, найденное решение удовлетворило его – больше вопрос о бесконечности не ставился.

Разумеется, можно со значительной долей уверенности говорить о том, что в данном случае наблюдалось действие механизма достраивания ситуации в условиях «информационного вакуума»¹ – ребенок убедил себя в том, что он нашел решение в принципе нерешаемой задачи: «...ребенок, еще очень многого не понимая в устройстве и закономерностях окружающего мира, придумывает свое объяснение тому или иному явлению, той или иной ситуации» [8]. Другими словами, убедить себя в том, что ты «увидел» бесконечность, и действительно представить себе бесконечность – это разные вещи. Однако, несмотря на очевидность этого ответа, данный пример все же является для нас поводом рассмотреть вопрос о границах воображения.

Границы воображения. Может ли ребенок вообразить геометрическую форму бесконечности или хотя бы помыслить бесконечность мира? Нет, согласно классическим представлениям, он этого не может в силу фундаментальных свойств сознания. Эти ограничения можно разделить на: границы воображения как способности субъекта работать с квазиперцептивными объектами; границы мышления как способности работать с понятиями и специфику самого восприятия пространства субъектом.

Согласно Канту, воображение не может быть источником принципиально нового

знания, поэтому он называет воображение «слепой, хотя и необходимой, функцией души» [7, с. 96], подчеркивая как исключительную важность воображения, так и его зависимость от опыта. Кант делит воображение на продуктивное и репродуктивное. Продуктивное воображение является способностью первоначального изображения предмета, а репродуктивное – это способность воспроизводить уже имевшееся эмпирическое созерцание. Однако Кант подчеркивает, что «продуктивное воображение все же не бывает творческим, т. е. способным породить такое чувственное представление, которое до этого никогда не было дано нашей чувственной способности; всегда можно доказать, что для такого представления материал уже был» [6, с. 938]. Обратим внимание на то, что в «Антропологии с прагматической точки зрения» Кант совершенно не сомневается в принципиально зависимой от чувственности природе воображения и употребляет слова «всегда можно доказать» для того, чтобы указать на этот зависимый статус воображения. Человек может представить себе, например, кентавра, которого не встречал в своем опыте, но этот воображаемый объект будет составлен из элементов предшествующего опыта: «Таким образом, хотя воображение – великий художник, более того, волшебник, тем не менее оно не имеет творческого характера, а всегда должно заимствовать материал для своих порождений из чувств» [6, с. 939]. Но человек не имеет опыта созерцания бесконечного объекта, поэтому воображение не способно воссоздать его. Опыт – граница воображения. Мы в опыте с бесконечными объектами не сталкиваемся.

Второй границей является граница мышления. Если воображение работает с чувственными представлениями, то рассудок работает с суждениями. При попытке помыслит бесконечное пространство человек попадает в пространство антиномий – разум пытается выйти за границы опыта, однако сталкивается с противоположными, но

¹ См., напр. Бексанский О.Е., Кучер Е.Н. о формировании образа (гештальта) субъектом: «...фундаментальным принципом подхода является принцип заполнения пробелов, который состоит в том, что субъект автоматически «достраивает» перцептивную ситуацию, вводя в нее актуально отсутствующие, но субъективно необходимые элементы в соответствии с собственным пониманием данной ситуации. Иными словами, образ ситуации должен быть завершенным, целостным для индивида, и он имеет тенденцию неосознаваемо добавлять в него реально отсутствующие, но «подходящие по смыслу» рецепты» [2].

одинаково доказуемыми утверждениями. Примером антиномии, которую рассматривает Кант, является противоположность двух утверждений: мир ограничен в пространстве и мир бесконечен в пространстве. Оба эти утверждения, согласно Канту, одинаково доказуемы [7, с. 260]. Мы не можем непротиворечиво мыслить о бесконечной Вселенной. Поэтому мы не можем не только вообразить бесконечную Вселенную, но и непротиворечиво помыслить ее.

Кроме того, пространство само по себе не является «действительным предметом», но является лишь формой внешнего созерцания. Согласно Канту, пространство является одной из априорных форм чувственности. Это значит, что пространство само по себе является условием возможности опыта. Пространство – это несущий элемент в каркасе трансцендентального условия любого опыта, чистая форма всякого чувственного созерцания. То есть пространство «не есть эмпирическое понятие, выводимое из внешнего опыта» [7, с. 65], но представление о пространстве должно быть заранее дано для самой возможности опыта: «Пространство есть необходимое априорное представление, лежащее в основе всех внешних созерцаний. Никогда нельзя себе представить отсутствие пространства, хотя нетрудно представить себе отсутствие предметов в нем» [7, с. 66]. Пространство не является свойством объекта и тем более не является объектом само по себе – оно является условием нашей возможности воспринимать объекты. Однако бесконечная Вселенная объектом является. И в этом проблема.

Афантазия. Означают ли эти ограничения, что вообразить или помыслить бесконечную Вселенную нельзя в принципе? Ответ «да», несмотря на его очевидность, все же будет поспешным. Несмотря на жесткость формулировок этих ограничений, сам Кант, рассматривая вопрос о пространстве, пишет: «Так как частные условия чувственности мы можем сделать лишь условием возможности явлений вещей, но не условием

возможности самих вещей, то имеем полное право сказать, что пространство охватывает все вещи, которые являются нам внешне, но мы не можем утверждать, что оно охватывает все вещи сами по себе независимо от того, созерцаются ли они или нет, а также независимо от того, каким субъектом они созерцаются. В самом деле, мы не можем судить о созерцаниях других мыслящих существ, подчинены ли эти существа тем самым условиям, которые ограничивают наше созерцание и общезначимы для нас» [7, с. 68]. Восприятие объектов зависит от субъекта – это главный тезис Канта. В этом случае непредставимость бесконечной Вселенной не является принципиальной вообще, но лишь является принципиальной для обладателей определенной структуры сознания. В этом случае дело за малым – найти существ, которые не подчинены «тем самым условиям, которые ограничивают наше созерцание», и поставить перед ними вопрос о бесконечной Вселенной.

Вообразить бесконечную Вселенную – значит создать ее внутренний образ. Представление о способности человека создавать ментальные образы является важнейшим элементом дискурса о человеке. Это понятно, учитывая исключительную важность воображения в описании человека: воображение – это необходимый элемент человеческого существования. Проблема только в том, что последнее не соответствует действительности.

В 2010 г. вышла статья, в которой описан случай потери способности самостоятельно формировать внутренние образы [12]. После операции на сердце пациент потерял способность произвольно создавать ментальные объекты. Случаи потери образного воображения были известны и ранее, однако данный случай стал особенным в силу того, что несмотря на потерю способности генерировать ментальные образы, пациент все же справлялся со стандартными задачами на воображение. То есть пациент демонстрировал поведение, которое свойственно для тех людей, у которых с воображением никаких проблем нет. Это

означает, что он использовал некие альтернативные способы обработки информации, которые сторонним наблюдателем могут опознаваться как осознаваемый результат работы с квазиперцептивными объектами.

Оказалось, что можно «вообразать» без воображения. Этот факт оказался удивительным настолько, что авторы исследования определили обнаруженный феномен как «слепое воображение» - по аналогии со «слепым зрением».² В последующей статье авторы дали название исследуемому феномену – афантазия, т. е. отсутствие воображения [13].

После публикации исследования, посвященного афантазии, начали появляться люди, которые обнаружили у себя похожие симптомы. Что интересно, некоторые из этих людей только после публикации исследования узнали, что другие люди обладают некой - сверхъестественной для страдающих афантазией людей - способностью создавать мысленные образы. Иначе говоря, люди вполне корректно существуют, взаимодействуют с другими людьми, делают карьеры без обладания такой казавшейся необходимой способностью, как воображение. Более того, существуют примеры того, что даже сложными видами творчества можно заниматься без воображения. Например, программист Блэйк Росс несмотря на то, что с рождения не обладает образным воображением, написал сценарий к фильму.

Таким образом, отсутствие способности создавать ментальные образы не только возможно, но не означает и каких-либо критических деформаций в поведении человека. Можно говорить жестче: отсутствие воображения не сказывается на способности человека быть эффективным элементом общества, то есть быть эффективным субъектом коммуникации или заниматься по крайней мере некоторыми видами творчества.

Что это значит для разговора о природе человека?

Существа, не подчиненные ограничивающим нас условиям. Юм был уверен, что воображение лежит в основе и памяти, и чувств, и рассудка [10, с. 310]. Кант называл воображение необходимой функцией души, указывал, что функцией воображения является связь чувственности и рассудка и замечал: «Без этой деятельности мы не имели бы никакого знания, хотя мы и редко осознаем ее в себе» [7, с.96]. Хайдеггер в ходе лекций предлагал своим слушателям вообразить некий объект и с этого начинал свою работу – он был убежден, что это простое действие доступно абсолютно всем [9, с. 114]. Бергсон шел еще дальше и указывал на то, что воображение может являться видоспецифичной для человека способностью [3, с. 247]. Так или иначе, представление об исключительной важности воображения является атрибутом дискурса о человеке.

Но в настоящее время появляются исследования, которые демонстрируют, что воображение может быть заменено протекающими бессознательно процессами. Поэтому у нас с необходимостью возникает вопрос о корректности того дискурса, который складывался в философской дискуссии о природе человека на протяжении столетий.

Но тогда чье воображение лежит в основе памяти, чувств и рассудка, о связи которых писал Юм? Чье сознание описывал Кант, когда обдумывал связь чувственности и рассудка посредством воображения? Существование кого описывал Хайдеггер, когда рассуждал о способности воображения? Для кого воображение является видоспецифическим признаком, если следовать мысли Бергсона? Кого описывали эти и многие другие люди? Ответом будет: они описывали себя и свой способ существования.³

² Слепое зрение – феномен корректной обработки визуальной информации субъектом в условии субъективно переживаемой слепоты, т.е. пациент утверждает, что слеп, но при этом верно реагирует на визуальные стимулы

³ На эту проблему указывал еще Уильям Джеймс: «До самого последнего времени большинство философов предполагали, что существует прототип человеческого ума, на который походят все индивидуальные умы, и что относительно

Хайдеггер на своем семинаре предлагал представить посредством образного воображения вокзал – это была отправная точка его рассуждений. Но все ли присутствующие действительно понимали то, что он им предлагал? Или для некоторых из них «представить вокзал» означало «всего лишь метафору», как для программиста Блэйка Росса, который всегда считал выражение «Считать овец перед сном» лишь красивой метафорой? Не являлось ли для них предложение Хайдеггера ничем не обязывающей и не призывающей к конкретному действию лингвистической конструкцией, элементом языкового поведения, значением которого конечно же не являлось предложение каким-то непонятным способом поместить изображение вокзала к себе в голову? И тем не менее они слушали его, возможно, не осознавая, что речь в этом простом мысленном эксперименте идет о том, что им принципиально недоступно. Но ведь и Хайдеггер не понимал, что этот простой эксперимент в силу сугубо когнитивных оснований может быть принципиально недоступен для повторения некоторым из его слушателей.

Существовавший ранее дискурс, определяющий наши рассуждения о человеке, в настоящее время деформируется. То, что ранее казалось очевидным, сейчас подвергается сомнению [1], [4]. Это значит и то, что приходит время подвергнуть сомнению те ограничения, которые накладывал существовавший ранее в философской антропологии дискурс.

Пример афантазии нам нужен был только для того, чтобы указать на ограниченность предыдущего дискурса о

человеке: вероятно, мы больше не можем говорить на этом языке о человеке, его способностях и ограничениях. Если вспомнить изначальный вопрос о возможности представления бесконечной Вселенной, может показаться, что примером афантазии мы усилили тезис о невозможности вообразить бесконечность: если нет воображения, то нет возможности и что-то вообразить. Однако это не совсем так. Примером афантазии мы на примере одного из основных элементов в каркасе представлений о человеке указали на границы того дискурса, который вводил жесткие ограничения на возможности человека. Вместо афантазии можно использовать другие феномены, которые не укладываются в традиционные представления о человеке и его способе существования. Например, уже упомянутое «слепое зрение», или синестезия.⁴ Что может означать ограничение классического дискурса о человеке для самой философии?

Если создать гипотетическую карту профессий и практик, то окажется, что люди группируются на этой карте по некоторым, общим для них, когнитивным особенностям: идет постоянный отбор, который может быть как искусственным, так и естественным. На математический факультет идет отбор по одним признакам, на факультет дизайна – по другим, на философский – по третьим. Это означает и то, что ограничения, вводимые философами на способности сознания, могут являться лишь ограничениями для тех, кто профессионально занимает философией в сложившемся дискурсе. Другими словами, возможно, что ответы на философские вопросы не могут быть найдены внутри самой философии в силу специфической когнитивной организации тех, кто занимается философией профессионально: философы могут быть

способности воображения можно высказывать положения, применимые равно ко всем людям. Но в настоящее время масса новых психологических данных обнаружила полную несостоятельность этого взгляда. Нет «воображения» - есть «воображения», и их особенности необходимо изучать подробно» [5, с. 202]. Однако сегодня нужно добавить, что дело не только в том, что существуют «воображения»: ситуация гораздо более парадоксальна - существует «воображение без воображения», что указывает на противоречия внутри дискурса.

⁴ Синестезия – это феномен, который описывает ситуацию, когда раздражение одного чувства вызывает активацию другого. Например, напечатанные черным цветом цифры могут восприниматься разными цветами: цифра «5» - синяя, цифра «3» - зеленая и т.п. (см., напр.: Рамачандран В.С. Рождение разума. Загадки нашего сознания. – М.: Олимп-Бизнес, 2006. С. 72-96).

своего рода «когнитивно замкнуты»⁵ по отношению к тем вопросам, которые сами и ставят. И речь, разумеется, не только и не столько в проблеме бесконечной Вселенной. Речь в данном случае идет о сугубо философских проблемах, например, о проблеме взаимодействия сознания и материи – так называемой «трудной проблеме сознания». При этом в данном случае речь не идет и о методологии или о том, что ответы на эти вопросы могут быть найдены исключительно экспериментальной наукой – речь о когнитивных ограничениях и отсутствии этих ограничений.

Это рассуждение приводит нас к позитивному выводу: вопросы философии важно адресовать не только профессиональным философам, но и представителям других специальностей. «Ту самую» философию, т. е. не методологию или историю науки, а философию именно как практику работы с субъективностью важно транслировать людям, которые по своим когнитивным особенностям могут отличаться от тех людей, которые поступают на философский факультет, то есть программистам, математикам, физикам, инженерам и т.д.⁶ Это вариант методологической работы в рамках сугубо философского исследования: для эффективного поиска решений

философских проблем критично транслировать философию тем, кто может отличаться от классического философа по своим когнитивным особенностям. Философской антропологии в поисках поддержки своего исследования природы субъекта стоит обратиться к тем, кто в настоящее время находится за границей философско-антропологического дискурса.

Можно ли вообразить бесконечную Вселенную? К сожалению, автор этого текста не может ответить на этот вопрос ни утвердительно, ни отрицательно. Но если автор этой статьи этого не может, то, возможно, математик, программист, физик или инженер это могут.⁷ То же самое с другими вопросами философии. Однако, если все-таки оставаться настойчивым в поиске ответов на философские вопросы, можно ли указать на то пространство, в котором можно попытаться найти ответы на них?

Третий мир. В начале статьи мы поставили вопрос о возможности представить бесконечность. Затем мы указали на ограничения подобного представления в рамках классического философского дискурса. После этого мы на примере феномена афантазии указали на ограничения самого классического дискурса. Выводом стала идея о возможной «когнитивной замкнутости» самих философов по отношению к некоторым философским вопросам и потенциальной пользе трансляции вопросов философии людям с другими когнитивными особенностями. В этой части мы вернемся к вопросам философии и попытаемся сделать предположение о том, где ответы на главные вопросы философии могут находиться.

Одним из наиболее проблемных моментов в теории Канта является связь рассудка и чувственности при помощи воображения.⁸ Проблема заключается в

⁵ «Когнитивная замкнутость» – термин, введенный Колином Макгинном для обозначения принципиальной невозможности решить некоторые проблемы в силу врожденных когнитивных ограничений (см.: McGinn C. *Mysterious Flame: Conscious Minds in a Material World*. N.Y., 1999.).

⁶ При этом следует сделать оговорку о том, что некоторые люди могут быть в принципе неспособны к встрече с объектами философии – они просто не поймут, о чем идет речь. Как гипотетический студент Хайдеггера с афантазией в принципе не мог бы понять того, о чем Хайдеггер говорил – он лишь слушал бы и, возможно, кивал головой в такт речи лектора. Пример программиста Блэйка Росса демонстрирует, что способность работать с квазиперцептивными объектами не является универсальной. Означает ли это, что есть люди, которые в принципе не могут поставить перед собой философский вопрос – представить объект, не в качестве лингвистической формулы, то есть не могут встретиться с объектами философии? (см., напр.: Мерзляков С.С. Что такое философия? // *Философия хозяйства*. 2019. № 4. С. 256 – 265).

⁷ О вариантах работы с бесконечностью в математике и геометрии см., напр.: Захаров В.Д. «Синдром» бесконечности // *Вестник РУДН. сер. Философия*. 2004-2005, №1 (10-11). С. 88 - 103.

⁸ См., напр.: Кречетова М. Ю. Способность воображения в онтологии Канта // *Вестник Томского государственного университета*.

том, что чувственность и рассудок функционируют по различным принципам, работают с разными данными. Каким образом можно связать концептуальное знание и чувственность? Согласно позиции Канта, эту связь обеспечивает способность воображения при помощи трансцендентального синтеза, результатом которого является схема, благодаря которой становится возможным применение категорий к явлениям. То есть схема – это правило, по которому рассудочные понятия связываются с эмпирическими феноменами. Сам Кант подчеркивает сложность проблемы связи чувственности и рассудка – он пишет: «Схематизм нашего рассудка в отношении явлений и их чистой формы есть скрытое в глубине человеческой души искусство, настоящие приемы которого нам вряд ли когда-либо удастся угадать у природы и раскрыть» [7, с.132].

Еще в конце XIX в. были получены данные о различной способности людей создавать ментальные образы [11]. Однако затем вопрос о различной способности генерировать ментальные образы сместился в сторону вопроса о природе этих образов. В XX в. шел спор о природе воображаемых объектов. Одна группа ученых полагала, что эти объекты имеют пространственные характеристики, т. е. действительно являются некими образами пространственных объектов, включая пространственные характеристики,⁹ другая группа исследователей занимала позицию, согласно которой ментальные образы являются пропозициями, т. е. знанием о фактах, а не образами.¹⁰ Пример афантазии как раз фиксирует эти две оппозиции: люди с афантазией работают исключительно с пропозициями, потому что неспособны генерировать образы предметов в своем воображении – внутренний мир этих людей является миром суждений.

Мир суждений – это пространство логических операций. Эти операции могут протекать бессознательно, и они свойственны не только человеческим существам. В некотором виде они свойственны другим животным. В общем виде это пространство и искусственного интеллекта тоже. Другими словами, пространство логических операций не является исключительно антропологическим феноменом.

Мир чувственности – это пространство в том числе образов. Вопрос о расширении этого пространства на других животных, а тем более на искусственные системы крайне сложный, потому что упирается как в вопрос о связи ментальных объектов с материей, так и в функцию ментальных переживаний. Однако их наличие не указывает на их функцию. В самом общем виде можно сказать лишь то, что они есть своего рода отражение «объективного» мира.

Однако нужно указать на потенциальное существование некоего третьего мира, который объединяет мир чувственности и мир логических операций. Этот гипотетический мир и есть пространство схематизма. Что мы можем сказать об этом мире? Почти ничего в том числе и по причине сложившихся дискурсивных практик. Мы можем только указать на его наличие. Причем указывать на него мы можем лишь по косвенным признакам.¹¹ Действительно, образы должны обладать некой функцией,¹² а значит, должны существовать механизмы реализации этой функции, то есть способы преобразования внешних образов в тот материал, из которого состоят ментальные объекты. Действительно, чувственность и рассудочная деятельность отличаются по своим фундаментальным характеристиками. Это значит, что должно быть нечто третье, в котором эти две способности объединяются.

Философия. Социология. Политология. 2013. № 4 (24). С. 140 – 150.

⁹ См., напр.: Косслин С. Мысленные образы // Когнитивная психология: история и современность. Хрестоматия. М.: Ломоносовъ, 2011. С. 97-109.

¹⁰ См., напр.: Pylyshyn, Z. W. What the mind's eye tells the mind's brain: A critique of mental imagery. Psychological Bulletin, 80 (1), 1973. Pp.1-24.

¹¹ Это чем-то похоже на поиск черной дыры в астрономии, которая обнаруживает себя по косвенным признакам, т.е. по влиянию на другие объекты.

¹² Если речь не идет об эпифеноменализме, который закрывает дискуссию о функции сознания.

Это третье – «мир схематизма», т. е. мир совершенно непонятной для нас склейки чувственности и логики. Это некая «плазма» из образов и пропозиций. Если мир образов – это то, что можно приписать внешнему миру (пусть и в форме реакций субъекта на внешние раздражители), а мир логических операций – это то, что можно приписать в том числе искусственным объектам, то мир схематизма – это сугубо антропологический мир. Возможно, именно в этом пространстве находятся ответы на наши самые сложные вопросы, потому что потенциально этот мир не ограничен слабостями других миров. Что мешает нам представить бесконечную Вселенную? Ограничения чувственности – у нас не было опыта восприятия бесконечности – это наследие мира чувственности. Что мешает нам помыслить бесконечную Вселенную – наш рассудок, который сталкивается с антиномией при попытке помыслить бесконечность – это наследие мира логики. Но каковы ограничения этого третьего мира?

К сожалению, позитивного вывода в данном случае пока быть не может. Мы лишь снова указываем на ту проблему, которую зафиксировал еще Кант, описывая схематизм воображения как «скрытое в глубине человеческой души искусство», механизмы работы которого мы вряд ли когда-нибудь откроем. Но то, что нельзя «угадать у природы» и есть сугубо антропологическое пространство. Возможно, именно в этом пространстве нужно искать ответы на самые сложные философские вопросы.

Заключение. Философия ставит вопросы, ответы на которые могут лежать за пределами самой философии. Это нормальная ситуация для философии, которая рассматривает процесс постановки вопросов в качестве одной из своих функций. При этом одним из ограничений философии может быть и сам способ мышления философа. Это значит, что эти вопросы нужно адресовать тем, кто, возможно, никогда с ними не сталкивался, но потенциально обладает способностями ответить на них. В сугубо методологическом плане это сводится к

исключительной важности знакомства представителей других специальностей, и прежде всего естественных, с философскими проблемами. Одной из таких проблем является сознание: условия его возможности и способ его функционирования.

В XX в. человек вышел в космос. Это событие стало толчком для технологических, ценностных и культурных изменений в обществе – люди снова начали смотреть на звездное небо, которое теперь стало пространством новых возможностей. Появились люди с «космосом в голове» - творческие усилия миллионов людей были направлены на осмысление того факта, что мы живем в бесконечной Вселенной, которая полна тайн и открытий.

Сознание – это новый космос. Ограничения, накладываемые классическими представлениями о способе существования человека, сталкиваются с новыми данными, которые демонстрируют ошибочность наших представлений об универсальности природы человека: то, что раньше казалось само собой разумеющимся, сегодня подвергается сомнению. Это означает и то, что сомнению подвергаются ограничения, накладываемые прежним дискурсом на наши возможности: может быть, стоит заняться ревизией ограничений, в том числе тех, которые раньше считались фундаментальными.

Для философии подобная ревизия означает и выбор вектора развития в сторону трансляции философских вопросов людям с другим способом мышления. При этом пространством нового знания может быть пространство взаимодействия образа и логики, т. е. тот мир, который Кант назвал схематизмом и в котором, возможно, находятся ответы на наши вопросы.

Но вопрос, который был поставлен в начале и послужил отправной точкой наших рассуждений, остается: может ли ребенок вообразить бесконечную Вселенную? Мы адресуем его физикам, математикам, программистам, инженерам с

тем, чтобы подвести к следующему вопросу: что такое человек?

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-011-00835.

Литература

1. Аршинов В.И., Буданов В.Г. Онтологии и риски цифрового техноуклада: к вопросу о представлении социотехнического ландшафта // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2019. №2. С.51-60.
2. Бексанский О.Е., Кучер Е.Н. Современный когнитивный подход к категории «образ мира» // Вопросы философии. 2002. №8. С. 52-69
3. Бергсон А. Два вида памяти // Психология памяти. М.: АСТ: Астрель. 2008. С. 247.
4. Буданов В.Г. Проблемы коэволюции антропо- и техносферы, квантово-синергетический подход //Сложность. Разум. Постнеклассика. 2014. № 4. С. 34-47.
5. Джеймс У. Психология/Под ред. Л. А. Петровской. — М.: Педагогика, 1991.—368 с. (Классики мировой психологии).
6. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения / Критика чистого разума. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2007. С. 938
7. Кант И. Критика чистого разума. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2007.
8. Потылицына Л. А. Особенности построения образа мира у слепоглухонемых лиц // Вестник сибирского государственного аэрокосмического университета имени Академика М. Ф. Решетнева. – 2006. - № 5. – с. 206-210.
9. Хайдеггер М. Цолликоновские семинары / Пер. с нем. яз. И. Глуховой - Вильнюс: ЕГУ, 2012. С. 114.
10. Юм Д. Трактат о человеческой природе. Юм Д. Сочинения в 2 тт. – М.: Мысль. 1965. – Т.1. С. 310.
11. Galton F. Statistics of Mental Imagery. Mind (5). 1880. pp. 301–318
12. Zeman A., Della Sala S., Torrens L., Gountouna V., McGonigle D., Logie R. (2010) Loss of imagery phenomenology with intact visuo-spatial task performance: A case of “blind imagination”. Neuropsychologia. Vol. 48 (1). Pp. 145–155.
13. Zeman A., Dewar M., Della Sala S. Lives without imagery – Congenital aphantasia. Cortex. Vol.73. 2015. Pp. 378-380.

References

1. Arshinov V.I., Budanov V.G. Ontologii i riski cifrovogo tehnouklada: k voprosu o predstavlenii sociotekhnicheskogo landshafta [Ontologies and risks of the digital techno-landscape: on the representation of the sociotechnical landscape] // Slozhnost'. Razum. Postneklassika. [Complexity. Mind. Postneoclassic]. 2019. №2. S.51-60.
2. Beksanskij O.E., Kucher E.N. Sovremennyj kognitivnyj podhod k kategorii «obraz mira» [Modern cognitive approach to the "image of the world" category] // Voprosy filosofii. [Questions of philosophy]. 2002. №8. S. 52-69
3. Bergson A. Dva vida pamjati [Two types of memory] // Psihologija pamjati. [Psychology of memory]. M.: AST: Astrel'. 2008. S. 247.
4. Budanov V.G. Problemy kojevoljucii antropo- i tehnosfery, kvantovo-sinergeticheskij podhod [Problems of coevolution of the anthropo-and technosphere, quantum-synergetic approach] //Slozhnost'. Razum. Postneklassika. [Complexity. Mind. Postneoclassic]. 2014. № 4. S. 34-47.
5. Dzhejms U. Psihologija [Psychology] /Pod red. L. A. Petrovskoj. — M.: Pedagogika, 1991.—368 s. (Klassiki mirovoj psihologii).
6. Kant I. Antropologija s pragmaticheskoy točki zrenija [Anthropology from a pragmatic point of view] / Kritika chistogo razuma. M.: Jeksmo; SPb.: Midgard, 2007. S. 938
7. Kant I. Kritika chistogo razuma. [Criticism of pure reason]. M.: Jeksmo; SPb.: Midgard, 2007.

8. Potylicyna L. A. Osobennosti postroenija obraza mira u slepogluhonemyh lic [Features of building an image of the world in deafblind individuals] // Vestnik sibirskogo gosudarstvennogo ajerokosmicheskogo universiteta imeni Akademika M. F. Reshetneva [Bulletin of the Siberian state aerospace University named after Academician M. F. Reshetnev]. 2006. № 5. s. 206-210.
9. Hajdegger M. Collikonovskie seminary [Zollikon seminars] / Per. s nem. jaz. I. Gluhovoj - Vil'njus: EGU, 2012. S. 114.
10. Jum D. Traktat o chelovecheskoj prirode [A treatise of human nature]. Jum D. Sochinenija v 2 tt. – M.: Mysl'. 1965. – T.1. S. 310.
11. Galton F. Statistics of Mental Imagery. Mind (5). 1880. pp. 301–318
12. Zeman A., Della Sala S., Torrens L., Gountouna V., McGonigle D., Logie R. (2010) Loss of imagery phenomenology with intact visuo-spatial task performance: A case of “blind imagination”. Neuropsychologia. Vol. 48 (1). Pp. 145–155.
13. Zeman A., Dewar M., Della Sala S. Lives without imagery – Congenital aphantasia. Cortex. Vol.73. 2015. Pp. 378-380.